

- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / Науч. ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–18. Л.; СПб., 1967–2007.
- СБГ – Словарь брянских говоров. Вып. 1–5. Л., 1976–1988.
- Селигер – Материалы по русской диалектологии. Словарь / Сост. С.Н. Варина, Н.В. Богданова, З.А. Петрова / Под ред. А.С. Герда. Вып. 1: А–Г. СПб., 2003; Вып. 2: Д–И. СПб., 2004.
- СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1: А–Н. Пермь, 2000; Вып. 2: О–Я. Пермь, 2002.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГМ – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (республики Мордовия). Т. 1–8. Саранск, 1978–2006.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1: Аблемай – ошупя / Под ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2003.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1991.
- СРГСУ-Доп. – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 1–40. Л.; СПб., 1965–2006.
- ССГ – Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11 / Отв. ред. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. Смоленск, 1974–2005.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–8. Ярославль, 1981–1989.

В.М. Мокиенко

Г.И. Берестнев. Слово, язык и за их пределами. Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. Иммануила Канта, 2007. XXX + 358 с.

Осмысляя ход развития современной лингвистики, исследователи все более сходятся в мысли о том, что им еще предстоит оценить по достоинству все последствия ее парадигмальных изменений и что сами эти изменения еще далеко не в полной мере продемонстрировали свою эвристическую силу. Однако и теперь совершенно очевидно: лингвистика, сохраняя за собой достигнутые ранее позиции, все более уверенно выходит на новые дисциплинарные рубежи, осваивая аксиоматику, категории, системные теоретические наработки, проблемные сферы, методики смежных с ней гуманитарных дисциплин и тем самым уверенно расширяя собственные границы [Кубрякова 1996]. Во имя реализации этой задачи когнитивная лингвистика вступает в широкие междисциплинарные связи со всеми науками, изучающими «внутреннего человека», и это неизбежно. Как заметил В.З. Демьянков, «когнитивисты обречены на междисциплинарность, это предопределено самой их историей. Только общими инструментами психологии, лингвистики, антропологии, философии, компьютерологии (computer science) можно ответить на вопросы о природе разума, об осмыслении опыта, об организации концептуальных систем» [Демьянков 1995: 307]. При этом, однако, не вызывает сомнения и тот факт, что когнитивная лингви-

стика все еще находится в поиске новых «междисциплинарных комбинаций», способных влить в нее новую силу, обогатив новыми плодотворными категориями и теоретическими установками. Она все еще находится в развитии, и помочь ей в расширении круга смежных дисциплин, проблемных областей, рабочих категорий, теоретической базы – обязанность исследователей.

Рецензируемую монографию характеризует в самом общем плане стремление к реализации именно этих принципов когнитивизма. Ее автор вводит когнитивную лингвистику в новые междисциплинарные отношения, связывая ее с широким кругом научных дисциплин. Этим, с одной стороны, утверждается объективность принятой к исследованию проблемы, а с другой – обеспечивается проверенность категориального аппарата, обоснованность теоретических установок и развиваемых положений, наконец, убедительность полученных результатов.

Монографию предваряет довольно обширное введение, в котором дается подробный комментарий к постановке проблемы, оговариваются предмет исследования и особенности метода, дается аксиоматика, формулируется теоретическая база и указываются направления ее развития. В частности,

обращаясь к выдвинутой Л. Витгенштейном как ключевой категории *Невысказываемого*¹ (в работе оно называется также *Несказанным* и *Невыразимым*), автор сформулировал новую для когнитивной лингвистики проблему «трансцендентных содержаний, находящихся вне языка и языкового мышления» (с. viii)². Отметив актуальность этой проблемы для русских символистов, автор далее указал ее несомненную близость теориям бессознательного, разработанным З. Фрейдом и К.Г. Юнгом. Развивая этот тезис, автор связал Невысказываемое с Бессознательным и тем самым утвердил чрезвычайно важное в теоретическом отношении положение об отсутствии «непреодолимых границ между сознанием и бессознательным, областью языкового мышления и трансцендентной областью Невыразимого» (с. xi). Таким путем он, по сути, обосновал возможность изучения Невысказываемого на основе данных языка.

Характеризуя далее Невысказываемое как предмет научного рассмотрения, автор определил его основные характеристики, которые, по мнению автора, и составляют причину сложности вербального описания трансцендентных содержаний, неоднократно отмечаемой в источниках, посвященных этой теме (с. xviii–xxi). Этими характеристиками Невысказываемого обуславливается и метод его постижения – реконструкция по отдельным составляющим в языке или культуре (с. xxiv–xxv). Сформулированные здесь же базовые теоретические положения всего дальнейшего исследования (с. xxv–xxx) существенно развивают современные философские представления о языке и мышлении и, несомненно, будут приняты в качестве опоры во многих дальнейших изысканиях, касающихся данной области.

Монография делится на две части в соответствии с идеологией всего исследования. Первая, имеющая название «...Потом стало слово», посвящена вопросам языкового освоения действительности человеком и репрезентации в языке особых содержаний, которые автор относит к трансцендентным. Так, в главе «От смысла – к имени» рассматриваются механизмы концептуализации мира и когнитивные механизмы актов номинации. Здесь показы-

вается, что семантический континуум при когнитивном освоении сначала членится человеческим сознанием на дискретные величины, собственно, представляющие собой концепты и категории, а затем сознание закрепляет эти величины для себя в знаках. При этом автор обосновывает примарность концептуальных образований по отношению к языку и демонстрирует случаи «пробелов» в концептуализации действительности (с. 10–11). Более подробно эти механизмы рассматриваются им в отношении двух обстоятельств принципиального характера. Первое касается познавательных функций личного имени, которые эксплицируются при метаязыковом моделировании «ситуации именования» – употреблении слова *именно* в русском языке (по-видимому, то же самое можно сказать и о функционировании аналогичных слов в других языках). В частности, автор показывает, что *именно* способствует более четкому определению содержательных границ высказываемой мысли, отдельности ее от других близких ментальных единиц. Второе обстоятельство касается концептуализации представлений о пространстве. Здесь автору удалось выявить несколько познавательных алгоритмов осмысления человеком линейного, плоскостного и объемного пространств, которые он сформулировал как законы (с. 50).

Отдельный интерес в монографии составляет глава «Метафора и метонимия: игры со смыслами, игры с именами». Автор выбрал, как представляется, весьма продуктивный подход к этим двум фундаментальным явлениям языка и сознания, в котором, наряду с когнитивными функциями, принимается во внимание их номинативный потенциал. В частности, учитывая концепцию промежуточного положения языка по отношению к языковому субъекту и действительности³, он определил языковую метафору как перенос наименования с одного представления на другое при условии их сходства, а метонимию – как перенос наименования с одного представления на другое при условии их смежности. На этой основе была произведена строгая классификация метафор, отражающая существенное различие переносов в языковой и собственно когнитивной сферах (вопреки радикальной точке зрения Дж. Лакоффа [Lakoff 1993]). Это также позволило увидеть и истолковать уже в материаль-

¹ Фактически подводя итог своим изысканиям, изложенным в «Логико-философском трактате», Л. Витгенштейн писал: «В самом деле, существует невысказываемое. Оно *показывает* себя, это – мистическое» [Витгенштейн 1994: 72].

² В связи с этой проблемой следует отметить работы [Маковский 2000; 2007].

³ Например, П. Джонсон-Лэйрд писал об этом, фактически утверждая в лингвистике философию И. Канта: «Люди не воспринимают мир непосредственно, они лишь обладают некоторыми внутренними репрезентациями этого мира» [Johnson-Laird 1980: 98].

ной культуре такой важный феномен, как предметная метафора (с. 62–68). Рассмотрев подобные метафоры с точки зрения языковых механизмов, автор пришел к весьма важному выводу о том, что они функционально близки метафорам когнитивным и что вообще метафора как таковая лежит за пределами языка и представляет собой фундаментальный принцип заместительной репрезентации содержания (с. 67). Точно так же языковая метонимия «есть лишь частное выражение глобальной когнитивной способности человека, которая, несомненно, должна проявиться и в иных сферах его сознательной деятельности» (с. 82). И действительно, автор показал, что в культуре широко распространены предметные метонимии (с. 82) и что заместительный метонимический принцип мышления играл важную роль в первобытной магии (с. 82–84) [Самигуллина 2008].

Таким образом, помимо всего прочего, отдельным важным итогом этой главы можно считать убедительное теоретическое обоснование связи языка и культуры. Эта связь обусловлена, с одной стороны, глубинным единством знания человека о мире, а с другой – множеством семиотических кодов, которыми это знание репрезентируется. Язык с этой точки зрения определяется лишь как один из подобных кодов, на что указывают и другие исследователи. Ср.: «Некоторые лингвисты (например, генеративисты) считают, что языковая система образует отдельный модуль, внеположенный общим когнитивным механизмам. Однако чаще языковая деятельность рассматривается как один из модулей “когниции”, составляющей вершину айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но дающие предпосылки для последних» [Демьянков 1995: 306]. Но это означает, что в роли такого же кода для человека выступает и предметная сфера культуры, которая творится им не только и не столько с практической целью, сколько с целью познавательной.

В главе «Когнитивные основания семантических противопоставлений» исследуется уже другой вопрос – репрезентированность глубинных содержаний языковой ментальности человека в языке. К числу таковых автор относит семантические оппозиции, которые, по его мнению, представляют собой реализацию в человеческой ментальности глобального принципа единства симметрии и асимметрии. Наиболее интересны в этом плане приведенные свидетельства когнитивной универсальности семантических оппозиций и положения, доказывающие связь оппозиции *свет/тьма* с мифологическим сознанием и религиозным опытом человека (с. 97–114). В этой связи автор выдвигает

чрезвычайно интересный, но все-таки требующий дальнейшей проработки тезис о том, что свет как психическое переживание лицом физических свойств действительности является способом познавательного освоения содержаний, выходящих далеко за пределы его непосредственного практического опыта (с. 107). Таков же и тезис относительно возможности преодоления подобных оппозиций в сознании человека и достижения «неальтернативного» способа мышления. Имеющиеся свидетельства как будто бы показывают, что это возможно, и семантический парадокс действительно способствует этому (с. 112–114).

Доказательства же актуальности принципа единства симметрии и асимметрии для языкового сознания человека и более глубинных его познавательных уровней автор находит в поэтической сфере (параграф «Поэтика чета и нечета»). Рассматривая ритм как форму проявления этого принципа и следуя в этом плане за древнекитайскими философами, С. Эйзенштейном, А. Белым, Р. Якобсоном, В.Н. Топоровым, Вяч.Вс. Ивановым, он последовательно проводит тезис о том, что поэзия – это, по сути, сложная игра ритмов, которая реализуется на разных уровнях языка, и поэтическое произведение есть творческое воплощение этой игры. С этой точки зрения оценивается и поэт, который «создавая поэтическое произведение, выступает на стороне сил Порядка и сам творит Порядок, в основе которого лежит игра парностей, подобия различий, выше которых только Единое» (с. 142).

В главе «Текст и попытки трансценденции за его пределы» автор показывает, что достаточно частым для художественных текстов является внутреннее обращение авторов к особым идеям, имеющим больший масштаб по сравнению с собственно языковыми концептами и потому трансцендентным языку и языковому сознанию. В одних случаях такие идеи оказываются достаточно близкими концептуальной системе языка, как в детально рассмотренных автором притчах Ф. Кафки. В других случаях писатель наполняет текст разного рода парадоксами, которые разрушают языковое сознание читателя. Отмечая близость этой стратегии психологическим техникам дзен-буддизма, автор демонстрирует ее актуальность для постмодернистских текстов Д.А. Пригова. В случаях третьего рода писатель передает необходимые трансцендентные идеи посредством особых образных моделей, воссоздаваемых структурой самого текста, – как показано в монографии, подобным образом устроен роман В. Набокова «Лолита».

Таким образом, вся первая часть монографии посвящена доказательству того, что Не-

выразимое отбрасывает свои «отблески» на язык, присутствует в слове и тексте, и это естественно, поскольку язык своими истоками уходит в Невыразимое.

Во второй части, имеющей название «Зов Несказанного», решаются уже иные задачи – в разных аспектах исследуются символы как знаки содержательных единиц Несказанного. Это придает развиваемым здесь положениям характер семиотических, но когнитивно-языковая их основа при этом не теряется. Было бы весьма полезным, однако, в этой части книги привлечь для сравнения случаи так называемого о п р о щ е н и я индоевропейских корней и слов типа: и.-е. **k_uen-* «собака» < и.-е. **keu-* «гореть» + и.-е. **_uen-* «схватить, взять» (согласно древним представлениям, собака украла у богов огонь и отдала его людям); и.-е. **ekuos-* «лошадь; конь» < и.-е. **ek-/ak-* «змея» (ср. др.-инд. *ahi* «змея») + и.-е. **eus-/ues-* «гореть», букв. «огненная змея» (в древности крылатый огненный конь отождествлялся с крылатой змеей; ср. типологически: др.-русс. *орь* «конь», но бретонск. *aer* «змея»; кроме того, конь отождествлялся с собакой: ср. др.-англ. *wicg* «конь», но русск. диал. *выжлец* «собака»; русск. *конь*, но и.-е. **k_uen-* «собака»; хет. *paros* «конь», но исп. *perro* «собака»).

Год в древности изображался как свернутая змея, кусающая свой хвост: одна половина змеи была светлая (лето), а другая – темная (зима): ср. др.-англ. *sumar* «лето», но и.-е. **su-/seu-* «гореть, блестеть, светить» + курдск. *mar* «змея» и англ. *winter* «зима» (гот. *wintrus* «год») < др.-англ. *wān* «темный, тусклый» + тох. В *terwe* «змея».

Первая глава этой части называется «Функциональная специфика символа». Здесь комментируются самые общие характеристики знаков подобного рода. Автор показывает также, что символ – неперенный элемент самых разных, неродственных и типологически далеких друг от друга культур. И многочисленные примеры, которые приводятся в этой связи, действительно дают основание полагать, что «универсальность символа обнаруживает закономерную потребность человека в означивании имеющихся у него содержаний, придании им субстанциональности, материальной данности, которыми обеспечивается строгость мышления» (с. 190). Рассмотрев в самой широкой культурной перспективе репрезентативный и когнитивный потенциал символических форм, автор пришел к закономерному выводу: «символы представляют собой знаки иной содержательной действительности, и именно этим обусловливается их репрезентативная и познавательная сила» (с. 196).

В параграфе «Символическая деятельность и символическое мышление», автор, опираясь на познавательный закон объективации, развивает тезис о двух способах мышления – аналоговом и заместительном – и утверждает предметную символизацию как принцип мышления заместительного (с. 199). В этой же перспективе автор рассматривает и культурную деятельность человека в целом. Встав на позиции Э. Кассирера, он увидел в этой деятельности совокупность кодов, описывающих единое знание человека о мире (с. 201). Ср.: «Язык, миф, знание суть различные средства, все они отражают свет, испускаемый одним и тем же светилом, или... они суть различные идиомы, выражающие одно и то же содержание» [Кун 2000: 628].

Глава «Культурные символы с семиотической точки зрения» имеет большей частью «технический» характер – в ней отрабатываются некоторые рабочие моменты, существенные для дальнейшего исследования. Основной итог этой главы таков: «Содержание символа само раскрывает себя в его форме» (с. 208).

Глава «Сотворение символа» представляет в монографии отдельный интерес в силу нескольких моментов. Прежде всего, в ней с языковых позиций определяется единый для описания семантики языковых и символических форм метаязык – в основе его лежит широко известное «исчисление» содержаний по отдельным семантическим признакам (с. 217–221). Кроме того, в этой главе вскрываются механизмы образования символов – и опять-таки с позиций языка: таковыми, в частности, являются метафора, метонимия (синекдоха), культурно-ассоциативное замещение, замещение, основанное на паронимазийном сближении соответствующих наименований (с. 221–229). При этом все выдвигаемые автором положения, явно имеющие новаторский характер, богато иллюстрированы примерами, что делает их еще более убедительными. Наконец, здесь автор обращается к рассмотрению символического синтаксиса и приходит к важным выводам о том, что «символические "тексты", лежащие в предметной сфере, представляют собой структуры, функционально имеющие номинативный характер» (с. 231) и что «"иная содержательная реальность" открывается человеку в символах как данность, не нуждающаяся в синтаксисе» (с. 232).

Последняя глава монографии «Современная экзегетика» посвящена анализу трех принципиально далеких друг от друга символических объектов: ряда известных азбучных систем и собственно кириллицы, христианских храмов, повести Н.И. Карамзина «Остров Борнгольм». Исследовательские результаты,

представленные в этой главе, разнообразны и нетривиальны, а некоторые из них претендуют на открытие. Так, автору удалось доказать, что кириллица является сложным символом: «ее устройство воссоздает архетипический образ универсума, включающего в себя космос и хаос, принцип порядка и предсказуемости предстает в ней в единстве с принципом случайности...» (с. 253). Кроме того, своими частями кириллица непосредственно моделирует представление о единстве «небесной» сферы, мира христианства и греховного мира славянского язычества. Знаковый характер, отвечающий христианской идеологии, имеет в ней и символически представленные границы между мирами (с. 261).

При анализе символической семантики христианских храмов автор как будто бы не выходит за рамки известных наработок в этой области, по существу, ограничиваясь детальными и во многих отношениях новыми комментариями известных положений. Однако в этом он ориентируется на теорию архетипов коллективного бессознательного и тем самым заставляет эти комментарии звучать по-новому.

Чрезвычайно интересен полный исторических экскурсов параграф «Символические мотивы и образы в повести Н.М. Карамзина "Остров Борнгольм"». Своим сущностным предметом он имеет одну из самых таинственных областей европейской культуры XVIII века – идеологию розенкрейцерства. Рассмотрев организационные реалии в среде российских масонов этой эпохи, автор пришел к выводу о том, что Н.М. Карамзин в действительности не порывал с ними, лишь утвердившись в своем знаменитом путешествии в розенкрейцерских идеях. Их он и выразил в повести «Остров Борнгольм» посредством символов, которые, по мнению автора, «вскрывают не только некоторые дополнительные детали "розенкрейцерской инициации", но и отношение самого Карамзина к идеям, представленным в повести в целом» (с. 317). В частности, автор защищает тезис о близости представленной в повести идеологии орфико-пифагорейской и платоновской философии «плененной души» человека (с. 314–315). Можно было бы добавить к этому, что в этом плане повесть близка и подобной идеологии гностиков, знания которых, возможно, и хранили розенкрейцеры.

Оценивая данную монографию в целом весьма высоко, прежде всего, в силу уникального воплощения в ней принципа междисциплинарности, редкой широты рассматриваемого материала, принципиально новой точки зрения на многие языковые и культурные явления, научной продуктивности нельзя не

отметить в ней и некоторые случаи «малой надежности». В частности, некоторые (к счастью, очень немногие) выдвигаемые автором положения имеют характер аксиом, которые можно либо принять, либо отвергнуть, но которые в настоящее время трудно обосновать фактически. Например, таково положение, в котором реки определяются как предметные осуществления идеи пограничности между «своим» и «чужим» пространствами у славян и других народов, в связи с чем битвы часто происходили именно на реках (с. 268). То же самое можно сказать о Валлендорфских Венерах, являющихся предметным воплощением идеи женственности, или о древних орнаментах. Можно ли утверждать, что это исключительно предметные способы репрезентации концептов? Ведь мы не знаем наверняка, что для этих и других подобных предметов или других аналогичных визуальных структур не было также соответствующего наименования. И вообще, существуют ли предметные знаки вне языка? Имели же имена в языке древние боги, которые также представлялись в предметной сфере – эту идею проводит и сам автор.

В более четком оформлении хотелось бы увидеть положения относительно двух способов мышления – аналогового и заместительно-го (с. 196). При анализе семиотических свойств славянских азбук автору следовало бы учесть и самые недавние наработки в этой области Б.А. Успенского [Успенский 2005].

На фоне общей теоретической и фактической обоснованности излагаемых в монографии концепций все-таки нельзя не отметить вероятностный характер положений, касающихся деталей биографии и философии Н.И. Карамзина. Впрочем, об этом автор и сам пишет на с. 317–318.

Все это, однако, частности, которые отнюдь не заслоняют собой главного. Представленный научному сообществу труд, безусловно, должен быть отмечен как заметное научное явление в современной науке о языке и человеческом сознании. Он неминуемо привлечет к себе внимание лингвистов-когнитологов, лингвокультурологов и вообще исследователей, работающих в самых разных областях гуманитарного знания. В этом труде автор не только стимулировал постановку множества новых фундаментальных теоретических вопросов, но и предложил свои ответы на них, тем самым существенно раздвинув парадигмальные рамки современной лингвистики. А хорошее внешнее оформление данного труда, имеющиеся иллюстрации и указатели способствуют этому в еще большей мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Витгенштейн 1994 – Л. *Витгенштейн*. Философские работы. Ч. I. М., 1994.
- Демьянков 1995 – В.З. *Демьянков*. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца 20 века*. М., 1995.
- Кубрякова 1996 – Е.С. *Кубрякова*. Когнитивная наука / когнитивные науки // *Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина*. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кун 2000 – Х. *Кун*. Философия культуры Эрнста Кассирера // *Э. Кассирер*. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб., 2000.
- Маковский 2000 – М.М. *Маковский*. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. М., 2000.
- Маковский 2008 – М.М. *Маковский*. К онтогенезу языковых процессов // *Язык как материя смысла: Сб. статей к 90-летию акад. Н.Ю. Шведовой*. М., 2008.
- Самигуллина 2008 – А.С. *Самигуллина*. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении. Уфа, 2008.
- Успенский 2005 – Б.А. *Успенский*. О происхождении глаголицы // *ВЯ*. 2005. № 1.
- Johnson-Laird 1980 – P.N. *Johnson-Laird*. Mental models in cognitive science // *Cognitive science*. 1980. № 4.
- Lakoff 1993 – G. *Lakoff*. The contemporary theory of metaphor // A. Ortony (ed.). *Metaphor and thought*. Cambridge, 1993.

М.М. Маковский